

А. А. ТОРТИКА

“КИЕВСКОЕ ПИСЬМО” ХАЗАРСКИХ ЕВРЕЕВ: К ПРОБЛЕМЕ КРИТИКИ СОДЕРЖАНИЯ ИСТОЧНИКА

Письменный документ, получивший в историографии название “киевское письмо” был обнаружен Н.Голбом в 1962 г. в Кембриджской университетской библиотеке среди материалов, привезенных в 1896 г. С.Шехтером из генизы Каирской (Фустат-Миср в средние века) синагоги. Документ впервые был опубликован с переводом и комментариями Н.Голбом и О.Й.Прицаком на английском языке в 1982 г. На русском языке эта книга вышла в 1997 г. [1].

Названный документ заслуживает особого внимания так как, по мнению авторов перевода и публикации, он является самым древним письменным источником, написанным в Киеве. Кроме того, авторы, на основе изучения и трактовки содержания этого документа, делают ряд выводов, касающихся истории Хазарского каганата и распространения торговых хазаро-еврейских общин по территории Восточной Европы в конце I тыс. н.э. В частности, по мнению О.Й.Прицака, “...Киев управлялся хазарами до того, как был завоеван Русью” и “...киевское письмо было написано в то время, когда Киев еще управлялся хазарами” [1, с. 64].

Очевидно, что процитированные утверждения в корне расходятся с концепцией ранне-средневековой истории Восточной Европы, традиционно принятой в отечественной исторической науке. В этой связи точка зрения авторов (главным образом О.Й.Прицака) неоднократно подвергалась критике со стороны украинских и российских медиевистов (историков и археологов) как в советский период развития исторической науки, так и в постперестроечное время. Целенаправленные критические рецензии на работы О.Й.Прицака были опубликованы Е.А.Мельниковой [2, с. 201-209] и А.П.Толочко [3, с. 144-146]. Ряд критических замечаний и источниковедческий анализ отдельных положений “киевского письма” и “кембриджского документа” содержатся в работах А.П.Новосельцева [4, с. 8] и П.П.Толочко [5, с. 104-105]. Весьма существенные замечания имеются также в комментариях и послесловии к публикации документа на русском языке, подготовленных В.Я.Петрухиным [1, с. 194-223]. Названные авторы подвергли критическому анализу в основном те положения концепции О.Й.Прицака, которые были связаны с утверждением идеи об основании Киева хазарами, о подчинении этого города хазарам, о наличии в Киеве хазарской администрации и о существенной роли Хазарского каганата в образовании государственности на Руси.

Так, Е.А.Мельникова [2, с. 201-209] возражает против идеи экспорта государственности, носителями которой, по мнению О.И.Прицака [6, с. 75-87], были купцы и воины. Кроме того, неправомочными, на ее взгляд, выглядят следующие положения концепции Прицака: процесс образования новых империй вдоль торговых путей, охранявшихся кочевниками-тюрками (в том числе и хазарами); хронологические разрывы и неувязки (открытие Волжского торгового пути в VII в., возникновение "готских" городов Полоцка и Смоленска в VII в., появление Игоря в Киеве только после 930 г. и т.д.); наконец, наиболее фантастическим, по ее мнению, выглядит существование и деятельность "интернационального торгового концерна Рус", возникшего в Галлии и распространившего в VII-X вв. свое влияние на Францию, Германию и Восточную Европу. Причиной появления подобных заблуждений и ошибок в работах О.И.Прицака является, как считает автор рецензии, игнорирование историографии, методологическая сумбурность и отсутствие настоящего источниковедческого анализа.

Далее, А.П.Толочко в своей рецензии на первое, англоязычное издание "Хазарско-еврейских документов" в 1987 г., не оспаривая подлинности "киевского письма" и филологических выводов Н.Голба и не отрицая возможности существования тех или иных связей Киева с Хазарией, также выступает против утверждения о хазарском владычестве в Киеве [3, с. 144-146].

П.П.Толочко пишет о практически полном отсутствии хазарских древностей в культурном слое раннесредневекового Киева [5, с. 104-105], рассматривая это как аргумент против идеи о сколько-нибудь существенном присутствии хазар в этом городе. При этом следует иметь в виду, что в качестве "хазарских древностей" археологи, как правило, понимают материалы салтово-маяцкой археологической культуры VIII-X вв.

В этой связи хотелось бы отметить, что вошедшее в оборот в 80-е гг. прошлого века утверждение о том, что салтово-маяцкая культура была "государственной" культурой Хазарского каганата в настоящее время можно рассматривать только как метафору. Очевидно, что сама постановка вопроса о наличии "государственной культуры" в VIII-X вв. н.э. не соответствует реалиям раннесредневековой истории Восточной Европы и может быть квалифицирована как модернизация. Сами хазары не являлись ни создателями, ни носителями этой археологической культуры, которая, как известно, сформировалась как особое явление в алано-болгарской этно-племенной среде. Хазарское государство никоим образом не могло целенаправленно санкционировать развитие и распространение этой культуры. Речь может идти только о том, что в условиях определенной стабильности, возникшей в рамках Хазарского государства во второй половине VIII в., у алано-болгарской части населения каганата появились благоприятные возможности для развития хозяйства, что и привело к формированию СМК (салтово-маяцкая культура). Поскольку аланы и болгары проживали в разных частях каганата, локальные варианты этой культуры возникают в Крыму, Приазовье, на Среднем Дону и Северском Донце. Отсутствие развитой городской жизни в этом регионе, тот факт, что алано-болгары не были господствующей в политическом отношении группой населения в каганате, кочевой образ жизни самих хазар, конфедеративный характер раннесредневекового Хазарского государства и, наконец, ухудшение военно-политических условий в регионе с конца IX в. (нашествие печенегов) не позволили СМК распространиться по всей территории Хазарии среди всех входивших в нее групп населения, как это произошло, скажем, с Римской и Византийской городскими культурами или культурой населения Киевской Руси.

Таким образом, “археологическая” аргументация противников идеи существования хазаро-еврейской общины в Киеве в X в. не всегда оправдана и убедительна. Археологи, оспаривая факт присутствия хазар или хазарской администрации в Киеве, пеняют на отсутствие в культурном слое раннесредневекового Киева материалов салтово-маяцкой культуры, настаивая на том, что хазары должны были проявить свое присутствие там именно таким образом. На каком основании? Носителями СМК были аланы и протоболгары, проживавшие в бассейне Среднего Дона, на Северском Донце и Осколе и т.д., но не кочевники-хазары и не купцы-евреи. Алано-болгары в Киеве, по всей видимости, не селились. Хазары, если они и бывали в Киеве в качестве дипломатов, купцов или сборщиков дани (вспомним ПВЛ¹) [7, с. 10], вряд ли были многочисленны и уж тем более не возили с собой в большом количестве предметы алано-болгарского ремесленного производства. Даже если хазарский тархан и находился какое-то длительное время в Киеве вместе со своей дружиной, то естественно, что ни он, ни его спутники никакой хозяйственной деятельностью не занимались и жили за счет местного населения. Евреи же, в том числе и проживавшие в данное время в Киеве, не создавали для повседневного обихода каких-то особых форм утвари или характерных только для них бытовых предметов, т.е. тех объектов материальной культуры, которые могут быть обнаружены археологами, а пользовались тем, что было распространено в обиходе аборигенного населения. Для Киева это могли быть предметы местного славянского ремесленного производства или византийский импорт. В полиэтничной среде варяго-славянского торгового города, обладавшего собственными керамическими, ювелирными и прочими мастерскими, странно было бы ожидать появления простых бытовых предметов (в том числе и керамики) салтово-маяцкого облика, торговля которыми на таком расстоянии (около 400–500 км пути через водораздел Дона и Днепра) от места изготовления не сулила никакой выгоды². Наконец, предметы религиозного обихода у еврейских купцов, проживавших в местах столь отдаленных от основных центров еврейской жизни, не могли быть многочисленными, соответственно их тщательно хранили и использовали многие поколения евреев, что практически сводит на нет шанс их обнаружения в культурном слое³.

Следовательно, на основе сведений, полученных в ходе археологического изучения раннесредневекового Киева, можно говорить только о том, что здесь не было постоянного и сколько-нибудь существенного алано-болгарского населения, являвшегося носителем СМК. Утверждение о подчинении Киева хазарам и о наличии в городе хазарской админи-

¹ Первую дань, которую поляне выплатили хазарам мечами, можно рассматривать, в отличие от патристической трактовки Нестора, как массовое разоружение покоренного народа [8; 9, с. 28–41], после которого (859 г.) ежегодная дань приобрела традиционную форму (пушнина): “А хозари брали з полян, і з сіверян, і з вятичів; брали вони по білій вирівці – стільки від диму” [7, с. 12].

² Еврейские (так же как и согдийские, арабские, варяжские и т.д.) купцы в раннем средневековье предпочитали торговать дорогостоящими предметами: пряностями, благовониями, серебром, мехами, рабами, продажа которых давала многократную прибыль и оправдывала риск купеческих предприятий, но не гончарной керамикой или простыми ремесленными изделиями. Кроме того, уровень производства подобных предметов, а также степень развития товарно-денежных отношений у алано-болгарского населения в ареале распространения СМК позволяют говорить, в основном, о внутриобщинном, в лучшем случае межобщинном обмене, но не о внешней торговле.

³ Иосиф (в пространной редакции ответа Хасдаю) пишет следующее о тех культурных предметах, которые приобрел его далекий предок Булан: “Он посвятил их (богу) и выстроил благодаря им шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. По милосердию господина и силе всемогущего, они до настоящего дня целы и хранятся в моем распоряжении” [10, с. 94].

страции (сборщика податей – тархана) на основе только археологических данных не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто. На современном уровне развития источниковой базы данная проблема по-прежнему может решаться только на основе интерпретации информации, содержащейся в письменных документах.

А.П.Новосельцев в специальном параграфе, посвященном анализу источников по истории Хазарии, написанных на древнееврейском языке, кратко упоминает и “киевское письмо”. Он не высказывает никаких сомнений по поводу его подлинности и считает, что хотя “содержание его малоинтересно”, все же сам факт находки документа, происходящего из Киева X в., представляет собой “уникальное событие” [4, с. 8].

В.Я.Петрухин в комментариях и послесловии к публикации “киевского письма” на русском языке отмечает, что “о проживании в Киеве IX в. хазар-иудеев, тем более правителей, ничего не известно” [1, с. 202]. По его мнению, “общеизвестность” того факта, что Киев до обоснования в нем варягов управлялся хазарами – явное преувеличение О.И.Прицака. Совершенно справедливо он указывает на то, что “ПВЛ” сообщает лишь о дани, которую платили хазарам киевские поляне. В то же время, восточные источники IX–X вв. действительно называют Киев городом славян или Руси, а не хазарским [1, с. 207]. Необоснованными и малоперспективными, по его мнению, являются также “построения о хазарском происхождении Кия и его полянского рода”, как и любые другие попытки “искать исторические прототипы для основателя Киева” [1, с. 210, 211-212]. В то же время, как считает В.Я.Петрухин, для развития еврейско-хазарской темы в истории Киева может быть интересна этимология названия “киевской крепости Самватос” [11, с. 315], предложенная А.А.Архиповым [12, с. 224-240]. Дело в том, что данное название является, по мнению автора, производным от имени реки Самбатсион, известной из талмудических легенд. По легенде она находилась на краю ойкумены и “покоилась в субботний день”, а на ее берегу проживала праведная иудейская община. По мнению В.Я.Петрухина, окраинное положение киевской общины могло способствовать актуализации этих легенд [1, с. 210].

Таким образом, рассмотренные выше замечания в адрес концепции О.И.Прицака основаны либо на сравнении его взглядов с традиционной для отечественной (советской, украинской, российской) исторической науки точкой зрения, либо с привлечением “археологической” аргументации, либо с внешней критикой источника, в сравнении его с данными древнерусских летописей, византийской и арабской исторической традиции. Задача же настоящей работы заключается в том, чтобы соотнести некоторые выводы авторов публикации с внутренней логикой самого письма и логикой его происхождения.

Речь, прежде всего, идет о том, что “киевское письмо” было написано киевскими евреями хазарского происхождения в тот период, когда Киев, как считают Н.Голб и О.И. Прицак, находился в составе Хазарского государства и в нем пребывала хазарская администрация, представитель которой и поставил свою “визу” – “Я прочел” – на письме⁴. Наибольшие возражения вызывает именно утверждение о хазарском господстве в Киеве во время, соответствующее дате создания источника (X в.).

⁴ Следует согласиться с В.Я.Петрухиным и в том, что из самого письма действительно совсем не следует, что “виза” хазарского чиновника поставлена именно в Киеве [1, с. 207]. Необходимо также добавить, что из письма не следует, что то слово, которое авторы публикации воспринимают как “визу хазарского чиновника”, написано именно хазарским чиновником и что оно действительно представляет собой именно визу. Кроме того, нет никаких других данных о том, что хазарские чиновники-тарханы ставили подобные “визы” на каких-либо иных документах.

Следует напомнить, что “киевское письмо” представляет собой рекомендацию киевской еврейской общины, которая была дана ее представителю, некоему Мар Яакову бен Р.Ханукке, для предъявления в других еврейских общинах с целью сбора денег на выплату долга кредиторам-иноплеменникам. Для решения поставленной задачи необходимо воспроизвести ту часть содержания документа, на основе которой и будет производиться дальнейшая критика отмеченных выше положений Н.Голба и О.Й.Прицака:

“... мы община Киева, (этим) сообщаем вам о трудном деле этого (человека) Мар Яакова бен Р.Ханукки, сына [добрых людей]. Он был тем, кто дает, а не тем, кто берет до того времени, пока ему не была предreshена жестокая судьба, и брат его пошел и взял деньги у иноверцев: этот (человек) Яаков стал поручителем. Его брат шел по дороге, и тут пришли разбойники, которые убили его и взяли его деньги. Тогда пришли кредиторы (и) взяли этого (человека) Яакова, они наложили железные цепи на его шею и кандалы на его ноги. Он находился в таком положении целый год [... и после...] этого мы поручились за него. Мы заплатили 60 [монет] и теперь еще осталось 40 монет; поэтому мы послали его по святым общинам, чтобы они могли оказать милость ему” [1, с. 30-31].

В ходе прочтения данного отрывка, прежде всего, возникает вопрос, почему киевская община сама не уплатила всю сумму долга за своего представителя, который, судя по всему, относился к числу уважаемых ее членов и, до описанной в письме неприятной финансовой ситуации, находился в числе благотворителей или, скорее, заимодателей: “он был тем, кто дает, а не тем, кто берет...”. Неужели киевская еврейская община в период хазарского господства в этом городе была настолько бедной, что целый год собирала 60 монет для выплаты залоговой суммы за уважаемого и ни в чем не виновного иудея, находившегося в долговой тюрьме у кредиторов-иноверцев. В то же время, со слов авторов, выкуп в 100 монет (по мнению Н.Голба и О.Й.Прицака речь идет о серебряных монетах) был традиционной суммой в таких случаях. Вспомним также, что благодаря сообщению автора “ПВЛ” известны принятые в то время в Восточной Европе цены на рабов в золотых византийских монетах. По договору Игоря с Византией от 945 г. десять золотых монет платили за молодого раба (рабыню), восемь за пожилого и пять за ребенка [7, с. 28]. Торговля рабами была обычным и прибыльным делом, этим промыслом тогда занимались венгры, печенегы, варяги-русы [11, с. 49]. В качестве перекупщиков в работорговле участвовали купцы греческого (византийского), арабского, персидского или еврейского (очевидно и хазаро-еврейского) происхождения, доставлявшие живой товар к месту назначения – в Византию или мусульманские страны Средней Азии и Ближнего Востока. Следовательно, залоговая цена или цена выкупа за одного человека, соответствовавшая, по всей видимости, стандартной цене одного молодого раба или цене десяти таких рабов, даже если в документе речь идет все же не о серебряных, а о золотых монетах, не могла вызвать таких трудностей и промедлений с выплатой (год) у целой еврейской общины, проживавшей под юрисдикцией иудейского хазарского государства⁵. Таким образом, описанная в “киевском письме” ситуация никак не соответствует тому господствующему экономическому положению, которое приписывается хазаро-еврейскому купечеству в данный период в Восточной Европе.

⁵ Состав и размеры кладов, обнаруженных на территории Восточной Европы и датированных концом IX-X вв., свидетельствуют о том, что названная в документе залоговая сумма вполне сопоставима с богатством одного человека (семьи), а не только целой торговой общины [13, с. 20-23].

Далее, в этой же связи, возникает вопрос, почему хазарская администрация, если предположить, что ее представитель действительно находился в Киеве в тот период, никак не защитила единоверца от произвола иноплеменников или, по крайней мере, не способствовала скорейшему внесению полной суммы выкупа?

Если Киев в это время входил в состав территорий, подчиненных Хазарскому каганату, то также закономерным представляется вопрос о том, почему наш “многострадальный” Яacob отправился в далекий Египет, а не в столицу собственного государства – Итиль? Неужели длинный морской путь через порты других государств был безопаснее пути пешего и речного по территории, контролируемой или, если верить О.Й.Прицаку и Н.Голбу, непосредственно входящей в состав Хазарского каганата. Еврейско-хазарская община Итиля, кроме того, что она была многочисленной, влиятельной и богатой, к тому же должна была быть гораздо ближе для хазарских прозелитов и полукровок, носивших нетипичные для евреев имена. Очевидно, что именно здесь скорее можно было рассчитывать на получение финансовой помощи. Тем не менее, Яacob едет именно в Египет, и там, по всей видимости, либо получает необходимые деньги, либо остается до конца своих дней.

Вероятнее всего, ответ на все эти вопросы заключается в первую очередь в том, что ко времени написания письма, т.е. в X в., Киев уже давно находился под контролем варягов (как и принято считать в отечественной историографии). Город не подчинялся хазарской администрации, а хазаро-еврейские купцы потерпели поражение в конкурентной борьбе и постепенно были вытеснены с торговых путей Восточной Европы, по крайней мере, с Днепровского пути “из варяг в греки”. Можно предположить, что случай с Яacobом и его братом является типичным примером этой конкурентной борьбы. Кто были кредиторы, засадившие Яacobа в тюрьму? По всей видимости, это были люди имевшие свободные наличные деньги, скорее всего речь идет о купцах и воинах варягах, которые и контролировали на самом деле в это время и Киев, и связанные с ним торговые пути. Тут даже можно предположить, что если бы они не имели административного влияния в Киеве, общину вряд ли бы могли заставить изыскивать деньги по поручительству. Только тот, кто имеет власть и силу, может требовать возвращения долга. Возможно, что те же варяги “встретили” брата “нашего” Яacobа “на дороге”, убили его и забрали взятые займы деньги.

Все это объясняет, почему киевская община, отправившая своего члена на поиски денег для уплаты, в общем-то, небольшого долга по другим общинам, не могла самостоятельно этот долг погасить. Экономическая деятельность киевской еврейской общины как участника транзитной торговли с каждым годом угасала. На торговых путях господствовали опасные варяги-русы, а ее представители обеднели настолько, что занимали деньги у иноверцев и терпели финансовый крах. Вероятно, если в это время Хазарский каганат еще не прекратил своего существования, т.е. если письмо было написано до известного похода Святослава, связи с его столицей и столичной иудейской общиной были затруднены враждебными отношениями между государствами⁶. Именно поэтому киевская община отправляет своего представителя не в географически близкий Итиль, а в отдаленный Египет, где и было найдено письмо.

Таким образом, не возражая ни против подлинности данного документа, ни против того факта, что он действительно мог быть написан в Киеве (евреями, часть из которых,

⁶ Не нужно забывать и того, что в это время в степях между Доном и Днепром уже несколько десятилетий господствовали печенеги.

судя по их именам, могла быть выходцами из Хазарии), следует отметить, что содержание письма не дает никаких оснований для того, чтобы считать Киев городом, входящим в это время в состав Хазарского каганата и управляющимся хазарской администрацией. Даже если Киев в какой-то период времени и находился в зависимости от хазар, а скорее всего так и было, то ко времени написания письма, исходя даже только из его содержания, этот период уже закончился. К X веку хазары не имели никакого влияния на его внутреннюю жизнь, а хазарские евреи не только не могли воспользоваться поддержкой хазарской власти, но и не имели регулярного сообщения со своими единоверцами в Итиле.

Эти выводы, в целом, совпадают с периодизацией использования речных торговых путей Восточной Европы, основанной на изучении кладов арабских монет. Как отмечал М.Б.Свердлов, представление о том, что Древняя Русь торговала с Востоком для конца VIII – начала IX вв. неприемлемо. В VIII в. в Среднем Поднепровье, по всей видимости, международных путей не было, нет никаких сообщений об их существовании и нет кладов этого времени [14, с. 542-543]. В.Я.Петрухин также указывает на то, что Днепровский путь “из варяг в греки” начал интенсивно функционировать лишь в X в., то есть тогда, когда Русь стремилась установить контроль над этими путями, что и было одной из причин ее столкновения с Хазарией [1, с. 208].

Возможно также, что в известной степени был прав и В.А.Пархоменко, который еще в 30-е гг. XX в. писал о том, что экономические связи хазар (хазарских евреев – А.Т.) с Киевом следует относить к периоду упадка Хазарского государства. По его мнению, и хазары, и евреи появляются здесь только со второй половины X в. и известны в XI–XII вв. Он сомневался, что они могли быть здесь раньше, поскольку в период господства хазар на Нижней Волге Днепр не находился под их контролем. Тот факт, что древляне не платили дань хазарам, по его мнению, также указывает на отсутствие раннего хазарского господства на Днепре, поскольку тот, кто владел Киевом, не мог не вмешиваться в дела древлян, ибо последние были географически тесно связаны с Киевом [15, с. 3-6; 16, с. 357-359].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послеслов. и коммент. В.Я.Петрухина. М.; Иерусалим, 1997.
2. Мельникова Е.А. Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О.Прицака “Происхождение Руси” // История СССР. 1984. №4.
3. Толочко А.П. [Рецензия]: Н.Голб, О.Прицак. Хазарские еврейские документы X в. // Вопросы истории. 1987. №12.
4. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
5. Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990.
6. Прицак О.И. Походження Русі: стародавні скандинавські джерела. Київ, 1997. Т.1.
7. Літопис руський / Пер. з давньорус. Л.Є.Махновця; Відп. ред. О.В.Мишанич. Київ, 1989.
8. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
9. Плетнева С.А. Беспокойное соседство: Русь и степные кочевники в домонгольское время // Родина. 1996. №12.
10. Кокорцев П. Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932.

11. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
12. Архипов А.А. Об одном древнем названии Киева // История русского языка в древнейший период. М., 1984.
13. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
14. Свердлов М.Б. Транзитные пути в Восточной Европе IX–XI вв. // Известия всесоюзн. геогр. об-ва. 1969. Т. 101. Вып. 6.
15. Пархоменко В. Нові історичні проблеми Київської Русі // Україна. 1928. Кн. 6.
16. Пархоменко В. Каганат Русі: Нотатки // Східний Світ. 1929. № 1-2(7-8).

TORTIKA A. A.
“KIEVAN LETTER” OF THE KHAZAR JEWS: ON THE PROBLEM
OF CRITICISM OF THE CONTENTS OF THE SOURCE
Summary

The written document known in historiography as a “Kievan letter” is, according to N. Golb and O. Pritzak, the most ancient written source written in Kiev. O. Pritzak thinks that “...Kiev was governed by the Khazars before it was conquered by Russia” and that “...Kievan letter was written at the period when Kiev had been governed by the Khazars” [1, P. 64]. However, the content of the letter does not give any grounds to consider Kiev to be the city being a part of Khazars Khanate and governed by the Khazar administration. In the 1930s Parkhomenko V. A. wrote, the Khazars (the Khazar Jews) established economic relations with Kiev in the period of the decline of the Khazars State. In his opinion, the Khazars and the Jews appeared here only in the second half of the 10th century and were known in the city in the 11th – 12th century.